

ПРИЛОЖЕНИЕ I*

ОТЪЕЗД

*История одного заседания одного ученого совета***

25 марта 1976 г. ученый совет Института языкознания АН СССР на своем заседании слушал вопрос о перееаттестации (= переизбрании на должность) старшего научного сотрудника, кандидата филологических наук И. А. Мельчука.

Фактическая справка. По существующим в Академии наук СССР правилам каждый младший научный сотрудник переизбирается в должности ученым советом своего института раз в три года, каждый старший научный сотрудник — раз в пять лет. Подобное переизбрание, называемое также перееаттестацией, проводится тайным голосованием членов ученого совета и является рутинной процедурой, на которую обычно даже не приглашают переизбираемого. Непереизбрание влечет увольнение сотрудника в любой момент по усмотрению дирекции, но не позже чем через год после решения совета. (Мы опускаем здесь несколько тонкостей: дирекция может предложить не прошедшему перееаттестацию сотруднику более низкую должность; кроме того, директор может опротестовать решение совета и назначить повторную перееаттестацию; существует также формальная возможность апелляции в Президиум Академии наук.)

В последние шесть лет перееаттестация используется в АН СССР для увольнения людей, негодных властям по той или иной причине. Так, если говорить только о лингвистах, то лишь в одном Институте русского языка АН СССР (директор — член-корр. АН Ф. П. Филин) в 1970–1973 гг. были уволены в результате перееаттестации или были вынуждены уйти под явной угрозой перееаттестации следующие лингвисты: Ю. Д. Апресян, Н. А. Еськова, Г. А. Пожарицкая, В. З. Санников, Т. С. Ходорович, Л. Н. Булатова, Э. И. Ханпира, Л. П. Крысин, Л. Л. Касаткин. Все это хорошо известные ученые, первоклассные специалисты; вся их вина (сформулированная совершенно эксплицитно в выступлениях или высказываниях членов дирекции и ученого совета) состояла в том, что они в разное время и по разным поводам поставили свои подписи под письмами, направленными в высшие партийные и государственные органы СССР — в ЦК КПСС, в Совет Министров, в Президиум Верховного Совета — и выразившими точку зрения, расходившуюся с официальной (по поводу судебных процессов над деятелями культуры в СССР, по поводу увольнений и т. п.).

Немного предыстории. Имеются сведения (не поддающиеся точной проверке, но исходящие из весьма надежного источника), что летом или ранней осенью 1975 г., т. е. задолго до перееаттестации И. А. Мельчука и до его письма в газету «*Нью-Йорк Таймс*» (о чем см. ниже), в Институте языкознания состоялось закрытое партийное собрание, на котором обсуждался вопрос: перееаттестовывать или нет? (Таким образом, фактически этот вопрос (во всяком случае, часто) решается не ученым советом, а партийной организацией: ее решения обязательны

---

* Составитель А. Д. Кошелев.

** Данный текст был подготовлен в 1976 году, в первую очередь на основании магнитофонной записи заседания ученого совета, сделанной И. А. Мельчуком (с помощью спрятанного в портфеле портативного японского магнитофона). Английский вариант текста — см. в журнале *Survey*, 1977–78, 23: 2, p. 126–137.

для всех коммунистов — членов ученого совета, а коммунисты, как правило, составляют в ученых советах абсолютное большинство.) После бурного обсуждения на собрании было принято положительное решение. Однако позже оно было опротестовано его противниками и отменено райкомом КПСС, поскольку многие коммунисты Института на собрании не присутствовали, а решение было принято лишь незначительным большинством голосов. Неизвестно, какие решения принимались партийными органами в дальнейшем.

По расписанию заседаний ученого совета переаттестация И. А. Мельчука должна была состояться еще в ноябре 1975 г.; однако по неизвестным причинам она несколько раз переносилась и в конце концов была назначена на 25 марта 1976 года.

Состав ученого совета (25.III.76 г.):

1. В. Н. Ярцева, директор ИЯз АН,	13. Г. В. Колшанский,
2. Ю. С. Елисеев, зам. директора ИЯз АН,	14. М. А. Кумахов,
3. В. А. Ефимов, ученый секретарь ИЯз АН,	15. К. Е. Майтинская,
4. В. Д. Аракин,	16. С. А. Миронов,
5. Н. А. Баскаков,	17. В. С. Расторгуева,
6. Т. А. Бертагаев,	18. Н. А. Слюсарева,
7. И. Ф. Вардуль,	19. Э. Р. Тенишев,
8. Н. З. Гаджиева,	20. О. Н. Трубачев,
9. М. М. Гухман,	21. Н. С. Чемоданов,
10. Ю. Д. Дешериев,	22. А. Д. Швейцер,
11. Г. А. Климов,	23. К. М. Мусаев,
12. Р. Г. Котов,	24. С. М. Хайдаков.

Течение заседания.

Перед тем, как начать слушание вопроса о переаттестации И. А. Мельчука, директор ИЯз АН В. Н. Ярцева распорядилась удалить из зала «всех посторонних» (людей, не являющихся сотрудниками Института), после чего пригласила И. А. Мельчука зачитать свой научный отчет за 5 лет работы.

[В дальнейшем в кавычки заключаются точные цитаты из выступлений, записанных на магнитофонную пленку и одновременно конспектировавшихся Мельчуком. Сокращения отмечаются знаком ... . В квадратные скобки заключены комментарии составителя текста.]

Мельчук: «Я только сначала хотел бы попросить вот что. Тут пришли несколько моих товарищей, которые очень хотят присутствовать, а их не пускают. Нельзя ли все-таки разрешить им войти?»

Ярцева: «Игорь Александрович, у нас сейчас ведь не защита диссертации — заседание открытого характера, и не какой-либо доклад. Это нормальное рабочее заседание; присутствуют, естественно, члены ученого совета и — в добровольном порядке — сотрудники Института. Посторонних — я думаю, члены совета тут будут со мной солидарны — мы просим покинуть заседание. Если бы Ваш доклад ставился как научный доклад на конференции или там на общем совещании такого типа, то другое дело, а у нас сейчас деловые вопросы, внутренние-структурные».

Мельчук: «Тем не менее ученый совет вроде бы не может быть закрытым. Места в зале есть; народу, который бы хотел слушать мой отчет, немного. Вот поэтому-то мне и хотелось бы...»

Ярцева: «Это ведь вопрос дисциплины. Я повторяю: когда мы поставим Ваш доклад на конференции, на методологическом семинаре, на каких-нибудь таких

мероприятиях, мы разошлем повестки по ряду институтов. На текущие, рабочие, нормальные заседания приглашаются сотрудники Института, и только».

Мельчук: «Это...»

Ярцева: «Теперь, закрытое ли это заседание совета? Нет, у нас не закрытое заседание. Закрытое заседание — это когда приглашаются только члены совета. Так как у нас не закрытое заседание, то присутствуют не только члены совета, которые только и должны были бы присутствовать, если бы это было закрытое заседание; но это заседание открытое, текущее, рабочее заседание — по нашим текущим, рабочим делам. Поэтому никого постороннего и не приглашаем».

Мельчук: «Я просто попросил об этом как об одолжении. Я понимаю, что нужно соблюдать решение ученого совета».

Ярцева: «Нет, это не решение ученого совета. Это, в общем, вопрос внутри-институтской дисциплины. Я уже говорила, что, скажем, на защиты диссертаций мы приглашаем и не только сотрудников, а наши рабочие дела следует, видимо, решать без посторонних, так что...»

Мельчук: «Да, я понимаю, я просто попросил».

Ярцева: «Когда мы поставим Ваш доклад на ученом совете или на каком-нибудь научном совете по какой-нибудь проблеме, вот тогда и придут слушатели».

Мельчук: «Хорошо».

После этого И. А. Мельчук излагает прилагаемый далее (полностью) текст своего отчета.

Отчет

*ст. научного сотрудника ИЯз АН СССР И. А. Мельчука
о его научной и научно-организационной деятельности
в 1971–1975 гг.*

I. Научная работа.

Основные направления:

а) Дальнейшая разработка общей лингвистической теории «Смысл ⇔ Текст».

б) Построение фрагментов моделей конкретных языков в рамках названной теории.

в) Аннотированная библиография по проблемам автоматической обработки текстов.

а) Теория «Смысл ⇔ Текст».

В соответствии с утвержденным дирекцией научным планом в 1971–1975 гг. мною было опубликовано около 10 статей по проблемам теории «Смысл ⇔ Текст», в том числе: «К проблеме выбора при неединственности морфологических решений», «Уровни представления высказываний и общее строение модели “Смысл ⇔ Текст”», «Конверсия как морфологическое средство», «О супплетивизме» и т. п.

В 1974 г. появилась первая часть моей плановой монографии «Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст» (20 а. л.). Однако вторая часть монографии, сданная в печать одновременно с первой, не издана до сих пор (по неизвестным для меня причинам) и теперь настолько устарела, что уже и не может публиковаться без существенной переработки. (Важно отметить, что в 1971 г. издательство Fink Verlag (Мюнхен, ФРГ) через «Международную книгу» предложило мне издать всю книгу целиком, однако дирекция Института не дала

мне разрешения на передачу рукописи в «Международную книгу», в результате чего рукопись — свыше 1200 машинописных страниц — практически погибла.)

б) Фрагменты модели «Смысл ↔ Текст» для различных языков. В 1971–1975 гг. мною опубликовано:

1) Ряд словарных статей Толково-комбинаторного словаря — в соавторстве с А. К. Жолковским, Ю. Д. Апресяном и другими.

2) Описание английского поверхностного синтаксиса — в соавторстве с Н. В. Перцовым.

3) Описание русских предикативных синтагм — в соавторстве с Л. Л. Иомдиным и Н. В. Перцовым.

4) Формальная модель формообразования русских существительных и прилагательных — в соавторстве с Н. А. Еськовой и В. З. Санниковым.

5) Описание аллоторской морфологии и синтаксиса: глагольное словоизменение и основные синтагмы.

Всего в указанные годы мною опубликовано свыше 40 научных работ, общим объемом более 65 а. л. Кроме того, несколько работ находится в настоящее время в печати или в стадии завершения; наиболее крупные из них — описание русских количественных синтагм (6 а. л.), опыт теории эргативной конструкции, критерии введения поверхностно-синтаксических отношений.

в) Библиография по проблемам автоматической обработки текстов. Подготовленная совместно с Р. Д. Равич монография «Автоматический перевод. 1964–1970» находится в печати с 1972 г. и должна выйти до 1976 г. Очередной том монографии (1971–1975) подготовлен, но пока не имеет издателя. Объем каждого тома — 25 а. л.

2. Научно-организационная работа.

В 1971–1975 гг. я участвовал в качестве докладчика в ряде конференций в СССР:

— Проблемы синтаксиса индоевропейских языков, Ленинград, 1971 г.

— Термин и терминология, Ленинград, 1974 г.

— Общесоюзная теоретическая конференция по лингвистике, Москва, 1974 г.

— Диатезы и залогии, Ленинград, 1975 г.

На конференции «Взаимодействие естественных и искусственных языков» Москва, 1972 г. я был докладчиком и членом оргкомитета.

Кроме того, я неоднократно выступал с научными докладами в различных учреждениях АН СССР и в высших учебных заведениях: В Ин-те проблем передачи информации, в Ин-те проблем управления, на Московском математическом обществе, на семинарах МГУ, в издательстве «Наука», в издательстве «Советская энциклопедия» и т. д.

Наконец, я прочитал ряд лингвистических курсов в нескольких вузах страны:

— в Новосибирском гос. ун-те (5 раз),

— в Алма-атинском пед. ин-те иностранных языков,

— в Одесском ун-те,

— в Тартуском ун-те,

— в Ун-те Дружбы народов,

— в Московском гос. пед. ин-те.

В то же время не могу не отметить, что в 1971–1975 гг. я был много раз приглашен участвовать в международных конференциях и симпозиумах (часто — за счет приглашающей стороны), представлял доклады, но ни разу не получил необходимого разрешения. В частности, я не был допущен на следующие научные собрания:

— Международная конференция по вычислительной лингвистике, Дебрецен, 1971 г.

- Третий Международный конгресс по логике, методологии и философии науки, Бухарест, 1972 г.
- Конгресс венгерского языка, Будапешт, 1972 г.
- Международная конференция по вычислительной лингвистике, Пиза, 1973 г. (я был одним из двух приглашенных докладчиков).
- Международный конгресс лингвистов, Болонья, 1974 г.
- Четвертый Международный конгресс по искусственному интеллекту, Тбилиси, 1975 г.
- Межд. конференция по применению информатики в гуманитарных науках, Марсель, 1975 г.

(Данный список далеко не полон.)

Участие в указанных конференциях не было и, как правило, не могло быть запланировано заранее; тем не менее, очевидно, что непосредственный обмен мнениями имеет для ученого решающее значение и что поэтому упомянутое здесь обстоятельство существенно вредило моей плановой научной работе. Кроме того, вопреки постановлению Президиума АН СССР, дирекция не разрешила мне выехать для чтения лекций в Киевском и Львовском ун-тах.

В 1971–1975 гг. я исполнял обязанности ученого секретаря сектора структурной и прикладной лингвистики, а также многократно консультировал (по проблемам автоматической обработки текстов) представителей разных учреждений и организаций.

Ст. научный сотрудник Ин-та языкознания АН СССР

И. А. Мельчук/

Начинается обсуждение отчета.

Елисеев (зам. директора) поясняет, что в разрешении на отправку рукописи книги в ФРГ Мельчуку было отказано из соображений приоритета: «Сначала надо публиковать у нас, а потом пусть переводят кто сколько хочет» (целиком книга не издана до сих пор). Подчеркивает, что в Институте задерживается публикация очень многих монографий: есть рукописи, ждущие с 1960 года. Возгласы в зале: «У меня книга лежит уже 7 лет!», «У меня тоже без конца откладываю!», «И у меня!»

Ярцева указывает, что в командировках Мельчуку отказывали только потому, что обычно они не были заранее запланированы.

Котов (доктор технических наук, отставной полковник, заведующий сектором структурной и прикладной лингвистики, где работает И. А. Мельчук, 2 года назад занял этот пост вместо А. А. Реформатского): «Ваша тема — “Исследование возможностей разработки системы англо-русского автоматического перевода”; где же эта система?»

Мельчук отвечает, что создание реальной машинной системы не входило и не могло входить в его задачи, поскольку в его распоряжении никогда не было ЭВМ. Его цель — исследование и разработка лингвистических возможностей создания такой системы. В этом плане и выполнены работы по английскому синтаксису, русскому синтаксису и русскому словоизменению, указанные в отчете.

Расторгуева (зав. сектором иранских языков) спрашивает, как все-таки соотносится плановой теме выполненная И. Мельчуком работа.

Мельчук разъясняет, что содержание его работы — изобретение самих методов и принципов описания, выработка удобного формализма, применение этого последнего к конкретно-языковому материалу. Здесь трудно заранее планировать монографии — да и неудобно: они издаются слишком долго или не издаются и успевают устареть. Лучшая форма выдачи результатов — статьи и предва-

рительные публикации. Основные публикации Мельчука за 1971–1975 г. соответствуют его плановой теме.

Елисеев: «Научная сторона деятельности Игоря Александровича достаточно отражена в его отчете. А вот как обстоит дело с общественной работой — участием в методологических семинарах, присутствием на политических лекциях, участием в других общественных мероприятиях?»

[«Методологический семинар» — это занятия для сотрудников Института, на которых выступающие должны пересказывать статьи из партийной печати: по вопросам марксистской философии, внешней политики КПСС, отдельным аспектам политической и экономической жизни, а также сочинения классиков марксизма-ленинизма и Л. И. Брежнева.]

Гухман: «Вы, И. А., не принимаете никакого участия в общественной работе!»

Мельчук: «Простите, но никто не может сказать, что я когда-либо отказался от какого бы то ни было поручения или не захотел прийти кому-нибудь на помощь. Я был в свое время и организатором спортивных мероприятий, и председателем комитета ДОСААФ [военно-патриотическое общество] и выступал с лекциями. Правда, в последние годы ко мне перестали обращаться — очевидно, мои услуги не нужны, а я не люблю навязываться. На методологические семинары я, действительно, не ходил, так как бываю очень занят научной работой. Кроме того, меня мало интересует их тематика. Я считаю, что участие в методологическом семинаре — дело добровольное».

Ярцева: «Ну нет, методологические семинары — это важнейшее мероприятие по идейно-политической подготовке сотрудников».

Хайдаков: «А на последних занятиях семинара Вы были?»

Мельчук: «Нет, не был. Ведь семинары проводятся в рабочее время, когда я занят своим прямым делом».

Гухман: «А знаете ли Вы, что Вы единственный человек в Институте, который не посещает эти семинары?»

Мельчук: «Нет, не знаю. И мне очень странно, что я единственный человек, кому это не интересно...»

Ярцева: «Отчет о научной деятельности — это одно, а участие в общественной жизни коллектива — это совсем другое. Мы уже и раньше обращали внимание на неучастие И. А. в общественной жизни. Известно, что в течение длительного времени не только общественные организации (имеется в виду партийное бюро Института), но и члены дирекции неоднократно беседовали с И. А. по поводу тех его выступлений внутри страны, которые, однако, были использованы за рубежом во вред нашей стране. [Ярцева подразумевает письма, направленные в ЦК КПСС и премьер-министру СССР по поводу политических процессов над Синявским — Даниэлем (1966) и Гинзбургом — Галансковым (1968). В этих письмах, под которыми стояла, среди других подписей, и подпись И. Мельчука, обвиняемые даже не брались под защиту — авторы писем просто призывали правительство проявить как можно больше понимания и, быть может, великодушия.]

А теперь я сообщу следующее. 25 января 1976 г. в газете «New York Times» появилось письмо, написанное Игорем Александровичем. Неделю назад состоялось заседание дирекции, на котором мы беседовали с И. А. Этот разговор оставил у всех нас очень тяжелое впечатление. Мы пробовали убедить И. А., что каждый советский ученый всегда является представителем СССР не только в научном, но и в морально-политическом аспекте. В то же время мы просили И. А. высказать свое отношение к этому факту и объяснить причины того, что он направил в США письмо, порочащее нашу страну [подчеркнуто здесь и ниже автором текста]. Такого рода поведение позорит старшего научного сотрудника.

Наш институт — идеологический, и поэтому поступок И. А. не может пройти незамеченным [...]. Позиция самого И. А. по данному вопросу нас не устраивает. Я считаю нужным информировать наш ученый совет об этом поступке, недопустимом не только в научном коллективе Института, но и вообще в коллективе советских людей».

Котов: «Я заведу сектором структурной и прикладной лингвистики уже два года и должен сказать, что конфликтная ситуация возникла еще прошлой осенью, в связи с отчетом Игоря Александровича [см. выше, стр. 4–7]. Этот отчет представляет собой смесь научных результатов (в частности, список работ) с перечнем обид и претензий к дирекции и партбюро Института. Я отказывался утвердить этот отчет, и в течение длительного времени с И. А. велись переговоры: все пытались убедить его разделить эти две части. Однако И. А. отказался изменить свой отчет, требуя тем самым для себя исключительного положения. В ответ на распоряжение директора написать отчет по форме И. А. предпочел предъявить ультиматум. А ведь И. А. и так имел много поблажек по сравнению с другими сотрудниками — в смысле свободного режима работы, ухода из института в любое время и т. п. Но ему всего было мало!

Что касается существа работы И. А., то публикаций у него действительно много, однако вся его деятельность — это подмена конкретных разработок по созданию промышленных систем автоматического перевода исследованиями по общему или теоретическому языкознанию. А такая подмена ничего, кроме вреда, принести не может. За пределами Академии, т. е. в кругах, связанных с практическими приложениями лингвистики, И. А. не пользуется авторитетом [...]. Не случайно в 1973 г. И. А. не был включен в Государственную комиссию по практическому осуществлению машинного перевода. [В действительности, И. А. Мельчук был включен в указанную комиссию: за его личным согласием на работу в комиссии непосредственно к нему обратился сотрудник Госкомитета по науке и технике, некто Цой; однако уже после получения его согласия и переговоров Цоя с дирекцией Института Мельчук был выведен из состава комиссии — несомненно, по политическим мотивам.] По-моему, И. А. не должен проводить политику научного экспансионизма — подменять чистой теорией прикладные разработки.

Кроме того, И. А. следовало бы более критично относиться к самому себе. Если судить по его выступлению на Всесоюзной теоретической конференции 1974 года, где в сорокаминутном докладе не было никакой науки, то неудивительно, что его не посылали на конференции: по-моему, ни один руководитель не может выпускать на трибуну такого докладчика!» [На указанной конференции за один день до заседания оргкомитетом без всякого предупреждения был снят ряд докладов, принятых за год до этого, — о чем докладчики в свое время были уведомлены специальными повестками. Был снят и теоретический доклад И. А. Мельчука. Выйдя на трибуну для оглашения другого доклада — совместного с О. С. Кулагинной, которая отсутствовала на конференции, — Мельчук произнес десятиминутную речь — резкую критику в адрес оргкомитета, членом которого был и Р. Г. Котов, — после чего, горячо поддержанный аудиторией, прочел с о й доклад, не обращая внимания на протесты председательствующего — все того же Р. Г. Котова.] [...]

Гухман: «Оценка деятельности ученого в СССР не может носить узкоакадемический характер. Надо учитывать не только его научную работу, но и определенные этические нормы — ведь в первую очередь именно им должен следовать советский ученый [...] Содержание отчета Игоря Александровича сугубо академическое. А ведь он не так давно выступил на страницах американской прессы с письмом, которое представляет собой клевету на нашу страну, на наш образ

жизни, на нашу идеологию и политику. Политика разрядки, проводимая нашей партией и правительством, отнюдь не снимает остроту идеологической борьбы, а напротив, усиливает ее. И. А. — зрелый человек, и он должен понимать, что его борьба против советской идеологии наносит ущерб не только нашей стране, но и всему прогрессивному человечеству [...] В нынешних условиях дискредитация коммунистической идеологии — это хлеб империалистической пропаганды. И. А. и раньше допускал серьезные ошибки; но мы были терпеливы — даже слишком терпеливы. Это его выступление уже не ошибка; это враждебный акт, который делает невозможным пребывание И. А. в нашем коллективе».

Вопрос из зала: «А нельзя ли узнать содержание письма И. А., о котором здесь идет речь?»

Мельчук: «После того, как голосование ученого совета будет проведено и сообщен его результат (который, впрочем, как я уверен, полностью предreshен), я готов прочитать свое письмо и дать всем желающим любые разъяснения. Мне, однако, не хотелось бы делать это до голосования. Дело в том, что я считаю недопустимым смешивать вопрос о переизбрании меня в должности с моим письмом в «Нью-Йорк Таймс». В данной связи я хотел бы огласить следующий документ: «Международный пакт о гражданских и политических правах» (принят на XXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1966 года); его статья 19 гласит: «Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения, включая свободу распространять всякого рода информацию и идеи независимо от государственных границ устно, письменно или посредством печати или способами по своему выбору». Данный пакт ратифицирован советским правительством и, следовательно, в соответствии с советским законодательством (см. Гражданский кодекс РСФСР, статья 569) он стал советским законом, и притом имеющим приоритет перед собственными, т. е. внутренними, законами СССР. Таким образом, обращаясь с письмом в «Нью-Йорк Таймс», я всего лишь воспользовался своим правом и ни в чем не нарушал закон».

Ярцева: «Ну, что же, права и обязанности членов ученого совета не расходятся с правами и обязанностями всех советских людей. У нас соблюдаются нормы гласности».

Елисеев: «В порядке разъяснения хочу указать, что в соответствии с инструкцией Высшей аттестационной комиссии советский ученый должен не только быть высококвалифицированным специалистом с научной точки зрения, но и быть безупречным в морально-политическом отношении... [Зачитывает параграф инструкции, где говорится о том, что советский патриотизм и интернационализм — неотъемлемые черты советского ученого.] Поэтому, ссылаясь на какие-то пакты, нельзя искусственно ограничивать критику ученого узкоакадемической стороной его деятельности. И. А. и на заседании дирекции (неделю тому назад) пытался поставить вопрос так, что это его личное дело, имея в виду свое выступление против советской идеологии. Однако мы знаем, что это не единичное событие. Можно привести целую цепь фактов: письма в защиту Синявского и Даниэля, затем Дувакина, наконец, события в Чехословакии. И И. А. считает, что мы не должны вмешиваться? А как же раньше? Вы ведь признавали раньше ошибочность своих действий? Тогда как объяснить, что сейчас Вы обратились впрямую к западной общественности, дав возможность идеологически враждебным радиостанциям комментировать Ваше письмо?»

Мельчук: «Да, я выражал в прошлом сожаление по поводу своих выступлений. Честно признаюсь, что так я поступал только под действием страха и вел себя малодушно. Но я устал бояться. Больше я не боюсь».

Майтинская (профессор, сектор угрофинноведения): «Я, правда, не занимаюсь машинным переводом, но я помню, как в начале работы столько нам гово-

рили о нем, столько обещали! А сейчас все ругают машинный перевод, говорят, что он все равно дороже обычного. Где же Ваш машинный перевод? Создается впечатление, что обещания остались невыполненными...»

Мельчук: «Мне неловко оправдываться и хвалить свои собственные результаты, но чтобы рассеять возможное недоумение, я позволю себе зачитать отрывок из письма Д. Уокера, председателя Комитета по лингвистике Международной Федерации документалистики, адресованное В. Н. Ярцевой и в Президиум АН СССР (4.III.1975 г.) по поводу приглашения меня на семинар по лингвистике и информатике в Стокгольме, 3–5 мая 1976 г.: «По поручению комитета я приглашаю И. А. Мельчука. Его уникальная квалификация делает его особенно ценным. Все расходы по поездке И. А. Мельчука организаторы семинара берут на себя». У меня здесь еще целый ряд подобных писем из самых разных стран; мне кажется, они могут служить известным доказательством того, что я не просто терял время в своем Институте [...].»

Елисеев: «Тут спрашивали о содержании письма И. А. в «Нью-Йорк Таймс». Я сам текста письма не видел, но насколько мне известно, оно написано в поддержку А. Д. Сахарова и сводится в основном к трем пунктам:

- 1) В СССР нет возможности для граждан свободно выразить свое мнение.
- 2) Инакомыслящие преследуются; их держат в тюрьмах и психбольницах.
- 3) Советская общественность поступает неправильно, осуждая Сахарова; И. А. решительно протестует против травли честнейшего советского ученого, каковым он считает Сахарова.

Возглас в зале: «Кошмар!»

Елисеев: «В то время, как мы выступаем за мир, за разрядку международной напряженности, Сахаров призывает Запад к твердости, т. е. требует возвращения к холодной войне. Вот только несколько дней назад лектор объяснял нам на лекции о международном положении всю порочность позиции Сахарова. По мнению И. А. Мельчука, против советской идеологии надо выступать сразу и с Запада, и изнутри страны».

Хайдаков (председатель местного комитета профсоюза): «У меня осталось очень тяжелое впечатление от беседы с И. А. на заседании дирекции неделю назад. Достигнув известного биологического предела, человек должен оглянуться назад, поскольку мы учимся на собственных ошибках. Ошибки научного характера — это одно, а идеологические ошибки — это совсем другое, это просто ужасно. Особенно серьезно должны быть оценены ошибки против устоев советского общества. И. А. выбрал для своего письма газету, являющуюся оплотом реакционной прослойки в США, самых правых империалистов. Ведь к нему было бы куда меньше претензий, если бы он послал свое письмо, например, в «Морнинг стар» где, хотя газета и коммунистическая, печатаются и разные буржуазные деятели, но прогрессивные по крайней мере. На заседании дирекции нам не удалось убедить И. А. в ошибочности его поступка. Он назвал нас всех конформистами, т. е. приспособленцами, действующими по указке свыше. Игорь Александрович, Вы ведь стоите на обрыве! Мы хотели Вас оттащить».

Ярцева: «Вы стали марионеткой в чьих-то нечистых руках!»

Гаджиева (председатель комиссии партийного контроля): «Все происходившее на заседании дирекции произвело и на меня тоже тягчайшее впечатление. Я надеялась услышать слова раскаяния, а услышала только глубокую убежденность. Ваш поступок граничит с пропагандой войны, а ведь по конституции СССР — это преступление. Мне тяжело, что мы Вас потеряли».

Дешериев (зав. сектором социолингвистики): «Нам всем неприятно вести этот разговор. Нам всем хотелось бы, чтобы И. А. был с нами во всех отношениях: и в научном, и в общественном, и в морально-этическом. Мы огорчены не

только тем, что и как Вы говорите, но и тем, что мы ничего от вас не добились. Каждое научное общество имеет свои правила; в правилах Академии наук СССР также есть требования патриотического и морально-этического характера. [...]

Мне, кроме того, неясно: вот Вы столько лет занимались машинным переводом, а каковы же практические применения и результаты? Вы говорите, что у Вас нет и не было машины, но помните — много лет назад, когда я был заместителем директора, я ведь Вам выхлопотал в Академснабе электронную машину, а Вы тогда отказались, сказали, что еще пока не готовы. А как же теперь?

Несправедливо Вы поступаете во многих отношениях. Вы как советский человек подумали бы сначала, что из этого получится. Речь ведь идет не о праве — право-то у Вас есть, — а о долге и обязанности».

Чемоданов (профессор на пенсии, научный консультант филологической редакции издательства «Прогресс», муж М. М. Гухман): «Я знаю И. А. 26 лет, еще с университета. И знаю его по его работе в издательстве “Прогресс”» [Обращаясь к Мельчуку:] «Я ведь к Вам всегда хорошо относился. И хотя Вы человек нахальный, я, не обращая внимания на Ваш характер, давал Вам много работы. [Перечисляет ряд книг, которые И. А. Мельчук перевел для издательства или в переводе которых участвовал.] Что же касается Вашего отчета, то тут поражают две вещи.

1) Вы говорите в отчете, что Вам не дают публиковать Ваши работы, а сами указываете, что за 20 лет у Вас появилось более 150 публикаций. Счастливец тот, кто сумел опубликовать так много. Это ведь очень редко бывает в академических институтах. [Разъяснение: у самого Чемоданова публикаций практически нет вовсе. Что же касается работ Мельчука, то они давно уже не публиковались в центральных лингвистических журналах, например в «Вопросах языкознания». Большинство их появилось в специализированных нелингвистических изданиях или очень малым тиражом, в виде препринтов — до 100–150 экз., или за границей. В изданиях Института не была опубликована ни одна работа Мельчука.]

2) Что Вы думаете, это не наше дело! Попробовали бы Вы там, на Западе, например в ФРГ, выступить с пропагандой коммунистических взглядов! Там ни одного дня не стали бы держать коммуниста на государственной службе. С какой же стати мы должны считаться с Вашей точкой зрения?

И не в том дело, удачны или нет Ваши теории. Научная позиция и политическая позиция — это вовсе не одно и то же. Р. Якобсон и Н. Трубецкой ведь идеологически тоже против нас, но ведь мы же их цитируем. Нельзя путать такие две вещи! В стенах Института, где я член ученого совета, выступаете Вы — враждебно настроенный по отношению к тому, чему я служил много лет.

Я буду голосовать против Вашего переизбрания!»

Ярцева: «Я хочу отметить, что не было случая, чтобы статья И. А., поданная для посылки за границу, не была отправлена дирекцией. [Разъяснение: это правда, но речь всегда шла об уже опубликованных или квазипубликованных — например, в препринте — статьях. Для отправки неопубликованных статей требуется представлять четыре копии английского текста, четыре копии русского перевода, справку о тождественности перевода и оригинала — и долго ждать, пока рукопись будет проходить цензуру.] В заграничные командировки мы И. А. действительно не посылали. Это потому, что каждый советский ученый представляет наш строй и советскую идеологию. А И. А. всегда подчеркивает: “Это мое, это личное мнение”. Нас, вследствие монолитности советского государства и народа, нельзя разделить так: это я, а все прочие советские люди — это уже где-то в стороне, это не мы, это они. Мы так не можем: или И. А. с нами, или И. А. с ними. И мы почувствовали на заседании дирекции, что он уже с ними. А

сотрудник Института языкознания должен быть наш, советский человек. И зря И. А. говорит, что решение ученого совета predetermined.

Мельчук: «Виктория Николаевна, хотите, поспорим на 10 рублей, что решение будет отрицательным?»

Ярцева: «Ничто никогда не predetermined. Решение ученого совета — дело совести каждого его члена. Много лет мы старались, И. А., сохранить Вас, но Вы плохо относились и относитесь к нам, Вы не уважаете наш коллектив. Мы могли бы Вам помочь остаться среди нас, но Вы не хотите этого. Все, что происходит, это делаете Вы сами, Вы один, а не мы. Мы хорошо знаем, что мир расколот надвое — и Вы обращаетесь к нашим врагам! Я считаю, что такое открытое обсуждение было полезным».

Мельчук просит заключительного слова.

Ярцева: «Вам уже дали полностью высказаться — с тем, чтобы ни у кого не было предвзятого мнения. Такое открытое, честное обсуждение ясно показывает, что мы отнеслись к Вам с уважением. Отчет Ваш мы заслушали; по-моему, всем все ясно. У нас ведь есть и другие дела».

Чемоданов: «Существует же определенная процедура. И так все понятно».

Мельчук: «На суде даже осужденному дают последнее слово!»

Ярцева: «Переходим к очередному вопросу».

Результаты голосования: 19 — против переизбрания И. А. Мельчука на должность, 2 — за, 3 бюллетеня недействительны.

Кроме вышеприведенной расшифровки магнитной пленки, существует еще одна запись выступлений на заседании ученого совета, сделанная по памяти по свежим следам заседания. В этой записи есть следующий пассаж, отсутствующий в расшифровке магнитной пленки и относящийся к концу заседания:

Ярцева: «Кто еще хочет выступить?»

(молчание)

Мельчук: «Маленький психологический эксперимент. Ведь никто не хочет больше выступить? Значит ли это, что все присутствующие согласны с говорившимся обо мне? И обо мне больше сказать нечего?»

Дешериев: «Пусть выступят те, кто присутствовал на заседании дирекции».

Гаджиева: (см. расшифровку).

Ярцева: «Кто еще хочет выступить?»

(молчание)

Мельчук: (смеется): «Ну? Я же с вами двадцать лет проработал! Неужели никто?... И здесь — мои товарищи по работе».

(Направляется к трибуне для ответного слова.)

Письмо в редакцию «Нью-Йорк Таймс» 25 января 1976 г.

Я обращаюсь с этим письмом в западную газету потому, что меня лишили возможности открыто выразить свои мнения в СССР. Тема моего письма — замечательный советский физик, лауреат Нобелевской премии Андрей Сахаров.

В моей стране, помимо нападок на Сахарова в партийной и правительственной печати, мы наблюдаем абсолютное молчание на его счет. Но Запад должен знать, что у нас есть много тех — и я принадлежу к их числу, — кто решительно возражает против нечистой кампании преследования человека, являющегося, быть может, единственным по-настоящему честным среди выдающихся советских ученых.

Почти полное отсутствие открытой поддержки Сахарова среди ученых, занимающих высокое положение в СССР, ясно показывает, что русской интеллигенции как таковой больше не существует. Если даже коллеги и бывшие друзья Сахарова, такие как, например, Харитон (не говоря уже о других 60 академиках и профессорах), подписывают «письмо», дискредитирующее этого выдающегося человека, то это означает только то, что моральные соображения вовсе исключены из духовного мира и психики тех, кто должен был бы строить всю свою деятельность и, более того, свою жизнь на принципах этики и морали.

Трудно сравнивать две разные трагедии; тем не менее, я не могу не упомянуть, что в декабре 1975 г. вильнюсский суд приговорил к 7 годам тюрьмы и трем годам ссылки биофизика Сергея Ковалева, члена сахаровского Комитета защиты прав человека. Для ученого, которому уже за сорок, это означает смерть — духовную и профессиональную, если и не физическую. И ни один известный советский ученый не протестовал! Члены АН СССР стали, видимо, бездушными марионетками, лишенными совести и собственных убеждений.

Что касается Запада, то я плохо понимаю позицию западных ученых. Возможно, они недостаточно четко осознают, насколько опасна могучая 250-миллионная страна, руководители которой не знают угрызений совести, зато имеют в своем распоряжении первоклассные головы без душ и сердец.

Примеры Кубы, Чехословакии, Вьетнама, Лаоса, Камбоджи и Анголы хорошо показывают бессилие Запада перед мощью коммунистического блока. Поэтому свобода и права человека в СССР столь же важны (или даже важнее!) для всего мира, как и для нас самих.

Ради бога, не забывайте, что многие мои сограждане, томящиеся в тюрьмах, концлагерях и тюремных психбольницах, страдают и за вашу свободу. Академик Сахаров — это символ искупления и спасения для нас; он должен быть таковым и для всего мира.

*И. А. Мельчук,
старший научный сотрудник Института языкознания АН СССР*

Письмо Ю. Д. Апресяна М. А. Суслову

22 февраля 1976

Глубокоуважаемый Михаил Андреевич!

Прошу Вас лично рассмотреть нижеследующее письмо, потому что в противном случае рассчитывать на положительный результат невозможно.

26 февраля ученый совет Института языкознания АН СССР должен рассмотреть вопрос о переедтестации Игоря Александровича Мельчука в должности старшего научного сотрудника. Насколько можно судить по событиям в Институте, переедтестован он не будет.

Это решение, если оно будет реализовано, ставит под угрозу не только развитие теоретической лингвистики в СССР, но и ее главные приложения. Сейчас, в связи с разработкой информационно-поисковых систем, автоматизированных систем управления, автоматического перевода, резко возрастает практическая и прикладная роль лингвистики. Нужно думать не только о математическом (программном) обеспечении таких систем, но и о едином лингвистическом их обеспечении, построенном на принципиальной и способной к обогащению теоретической основе. Такой основой может быть разработанная И. Мельчуком модель «Смысл ↔ Текст» — плод его двадцатилетних титанических усилий. Никаких альтернатив этой модели в советской лингвистике сейчас нет. По широте охвата материала, глубине и полноте его формального описания она не имеет равных в мире.

И. Мельчук — исследователь самого крупного масштаба. Чисто формальные показатели (в сорок три года — 160 опубликованных и подготовленных к публикации работ, в том числе восемь книг и монографий, причем около 100 работ переведены на английский, французский, немецкий, испанский, венгерский и польский языки), несмотря на их внушительность, все-таки не дают истинного представления об этом уникальном ученом. Еще меньше можно судить о нем на основании степеней и званий — он только кандидат наук и старший научный сотрудник, хотя давно заслужил право на высшие академические отличия и руководство институтом. Это не просто талантливый или даже выдающийся лингвист. Он — ученый, превративший лингвистику в современную теоретическую науку и создавший очень жизнеспособную школу, которая развивается несмотря на беспрецедентные в нынешние времена научные гонения и оплодотворяет даже те направления советского языкознания, которые с ней полемизируют.

Современникам всегда трудно оценить масштаб ученого, работающего рядом с ними, особенно если они занимаются другими проблемами и не могут взглянуть на его научную продукцию изнутри. Поэтому того, что здесь сказано, нельзя проверить обращением к руководящим деятелям советского языкознания, которые, к сожалению, незнакомы с современной математической лингвистикой. Однако подтверждением моих слов может служить широкое признание, которое получила научная деятельность И. Мельчука в кругах математиков, кибернетиков, психологов и логиков, занимающихся приложениями лингвистики, и многих рядовых языковедов. Работы И. Мельчука очень высоко оценивают

ученые таких разных специальностей и поколений, как акад. А. И. Берг, чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударов, чл.-кор. АМН СССР А. Р. Лурия, доктор филологических наук профессор А. А. Зализняк, доктор физико-математических наук профессор В. А. Успенский, доктор технических наук профессор И. А. Большаков и очень многие другие.

В заключение я хочу еще раз подчеркнуть, что сейчас решается участь не одного человека и даже не отдельного направления, а участь всей советской теоретической лингвистики. В случае изгнания И. А. Мельчука из Института языкознания она будет обречена на бесплодие в течение десятилетий, и когда придет время (а оно не за горами) промышленной эксплуатации лингвистики, наша страна должна будет пользоваться чужими образцами, а это означает постоянное отставание минимум на один шаг.

Кандидат филологических наук

(Ю. Д. Апресян)

Домашний адрес: <...>

Письмо И. А. Большакова акад. А. П. Александрову, Президенту АН СССР

Глубокоуважаемый Анатолий Петрович!

В интересах отечественной науки убедительно прошу Вас как можно скорее принять личное участие в решении судьбы выдающегося советского ученого-лингвиста Игоря Александровича Мельчука. Как мне стало известно, в конце марта сего года на заседании ученого совета Института языкознания АН СССР И. А. Мельчук был забаллотирован при его переизбрании на должность старшего научного сотрудника и в ближайшее время вынужден будет покинуть институт. Ввиду того, что вокруг его имени уже давно поднята недостойная нашей науки возня, перешедшая в травлю, ему заведомо не удастся устроиться по специальности в системе АН СССР и, обладая мировой известностью как ученый, он, возможно, будет вынужден принять приглашение на работу одного из зарубежных университетов.

Ваш секретариат легко наведет необходимые формальные справки о И. А. Мельчуке (возраст, семейное положение, количество трудов и т. п.). Я же хочу обратить Ваше внимание на следующие моменты.

1. Бессмысленно ожидать объективных оценок научной значимости этого ученого от людей, организовавших гонения на него, подобно тому как глупо было бы спрашивать у акад. Лысенко о ценности работ Вавилова, Дубинина или Шмальгаузена.

2. Речь идет не о локальной проблеме трудоустройства И. А. Мельчука, а полной его реабилитации, в том числе 1) о предоставлении ему возможности спокойно работать, 2) о публикации двух его книг, одна из которых ждет выхода в свет с 1969 г., 3) о снятии запрета на упоминание его имени при литературных ссылках, указаниях на его научную школу и выражении ему благодарности за помощь (последнее уже затронуло нескольких ученых, связанных с Мельчуком, а это совсем гадко!), 4) о снятии запрета на защиту им докторской диссертации, 5) о хотя бы эпизодических разрешениях ему посещать те зарубежные конференции, на которые его лично приглашают.

3. Ценность деятельности И. А. Мельчука как лингвиста определяется тем, что созданная им теория, несомненно, сыграет основную роль при построении действующей модели естественного языка, а это в свою очередь решит проблемы

- 1) автоматического перевода с одного языка на другой,
- 2) автоматического реферирования внутри одного языка,
- 3) информационного поиска с предельными показателями полноты и точности,
- 4) семантической обработки организационно-распорядительной документации в аппаратах управления,
- 5) создания более совершенных систем искусственного интеллекта,
- 6) управления промышленными роботами,
- 7) создания автомата, печатающего с голоса,

и ряд смежных проблем. Занимаясь ныне внедрением его модели языка и эпизодически пользуясь его консультациями, я говорю об особой ценности его идей на основании собственного опыта.

4. Построение действующей модели языка является не менее сложной и важной проблемой, чем расщепление атома, причем до ее решения в рамках всемирной науки остается каких-нибудь 5–7 лет при затратах лишь в несколько миллионов рублей (или долларов). При решении проблемы внутри Союза Мельчука заменить нечем. Лишившись его, мы отстанем на 5–10 лет, а принявшая его страна решит проблему с ходу, если предоставит денежные и вычислительные ресурсы.

5. Выступление Мельчука в иностранной прессе, о котором Вас обязательно проинформируют другие лица, во многом можно объяснить его состоянием затравленности. Оно прошло незамеченным для подавляющего большинства советских граждан, в частности для меня, пока я не узнал о нем из предъявленных в институте обвинений. Тем самым возможный вред, нанесенный этим поступком, не стоит переоценивать. В данном случае разумнее опровергнуть обвинения Запада в гонениях на инакомыслящих. В конце концов, если того требуют интересы отечественной науки, почему не использовать И. А. Мельчука просто как буржуазного «спеца», а не дарить его богатым зарубежным университетам?

6. Лишенный возможности преподавать (не говоря уже — как-то влиять на чужое трудоустройство и распределение материальных благ), Мельчук тем не менее создал научную школу более чем из 20 способных активно действующих прикладных лингвистов. Решение судьбы Мельчука — это одновременно и решение судьбы этих в большинстве молодых людей.

Для облегчения работы Вашего секретариата сообщаю сведения о себе.

<...>

Данные сведения сообщены, чтобы подчеркнуть следующие обстоятельства:

1) Мое становление как научного работника проходило в среде, где, если исключить ограничения секретности, действуют обычные нормы научной жизни: научные дискуссии, не переходящие в оргвыводы, сосуществование разных научных школ, возможности произвольных ссылок и т. п.

2) В силу жизненных обстоятельств я смог достаточно вплотную наблюдать деятельность ученых самых разных возрастов и специальностей (физиков, радиотехников, кибернетиков, лингвистов), чтобы иметь возможность судить о степени их талантливости. Человека такой глубины, скорости и четкости словесного оформления мысли, как Мельчук, я не встречал.

3) Я не связан с Мельчуком ни родственными, ни национальными, ни особенно тесными дружескими связями. Давно зная его по трудам, я познакомился с ним лично около 5 лет назад и очень ценю это знакомство.

4) Я ни в какой степени не являюсь неудачником, «обиженным», «диссидентом» и т. п. Скорее, наоборот. Мое благополучие никак не зависит от решения затрагиваемого вопроса, а научная судьба зависит от него в той степени, которую я в силах самостоятельно регулировать.

Ценя Ваше время, не претендую на ответ с Вашей стороны. Незамедлительное решение поднятой в письме проблемы много важнее. Разрешите надеяться на лучший исход дела.

С уважением

проф. И. А. Большаков

Домашний адрес: {...}

Март 1976 г.

Ответ на письмо И. А. Большакова

АКАДЕМИЯ НАУК

СОЮЗА
СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК117901, ГСП, Москва, В-71
Ленинский просп., 14
Тел. 234-96-73Москва 103460,
пл. Юности, д. 3, кв. 52

тов. Большакову И. А.

29/VI-76 № 10105-330/29

На №

Управление кадров Академии наук СССР, по поручению руководства Президиума АН СССР, сообщает, что поставленные в Вашем письме вопросы были рассмотрены Управлением кадров АН СССР и Юридическим отделом УД АН СССР совместно с дирекцией, общественными организациями Института языкознания АН СССР и Отделением литературы и языка АН СССР.

При избрании кандидата филологических наук Мельчука И. А. на должность старшего научного сотрудника Института на новый срок ученым советом и дирекцией Института языкознания АН СССР нарушений действующей Инструкции о порядке замещения должностей научных работников допущено не было и поэтому оснований для внесения этого вопроса на вторичное рассмотрение ученого совета не имеется.

Начальник
Управления кадров АН СССР

Г. А. Цыпкин

Письмо Ю. Д. Апресяна А. А. Холодовичу*

11 ноября 1976 г.

Дорогой Александр Алексеевич,

Я очень сочувствую Вам и понимаю, в каком состоянии Вы сейчас живете. Мне кажется, я могу себе представить, что значит потерять человека, с которым разделил жизнь. Я не хочу, чтобы это письмо доставило Вам новые огорчения, но одновременно вижу, что должен защищаться, так как иначе наше взаимопонимание будет накапливаться. Постараюсь, убрав всякие эмоции, еще раз изложить свою позицию в связи со сборником и прокомментировать инкриминируемые мне эпизоды.

1. Не понимаю, как научную литературу можно писать по-щедрински, т. е. камуфлировать крамольные идеи с помощью внешне безобидных образов. К тому же, редакции не требуют камуфлировать идеи — их можно и даже нужно оставлять — убирать надо только имена. Из разговора двух молоденьких аспирантов: «Апресяна и Мельчука можно цитировать, надо только снимать кавычки и имена».

---

* В феврале 1976 г., за месяц до заседания Ученого совета Института языкознания, на котором должен был обсуждаться вопрос о переквалификации И. А. Мельчука, стало совершенно очевидно, что он будет изгнан из Института. Не слишком веря в успех своего предприятия, я, тем не менее, направил главному идеологу КПСС М. А. Суслову письмо (приведено выше. — *Издатель*). (Мне известно, что письмо на ту же тему было послано в Президиум АН СССР И. А. Большаковым.) Обращение к «серому кардиналу» было продиктовано несколькими соображениями. Во-первых, он обладал реальной властью и мог принимать решения самостоятельно. Во-вторых, увольнение И. А. Мельчука представлялось мне сокрушительным ударом по нашей науке. В-третьих, не хотелось молчаливо наблюдать травлю друга.

Трудно судить о том, каков был эффект моего обращения к М. А. Суслову. Скорее всего, он был нулевым, хотя мне известно, что где-то в начале апреля из ЦК КПСС был официальный звонок в Президиум АН СССР и некий анонимный чиновник сказал: «Ну, раз дело сделано, то восстанавливать не будем. Но не препятствовать трудоустройству вне Академии».

После увольнения И. А. Мельчука я сделал попытку устроить его в Информэлектро (Отраслевой Институт информации и технико-экономических исследований в электротехнике Министерства электротехнической промышленности СССР), где я в это время заведовал сектором теоретической и экспериментальной лингвистики (*sic!*). Я даже получил согласие директора Института С. Г. Малинина, который готов был дать И. А. Мельчуку целый отдел. Но к этому времени Игорь уже твердо решил уехать, и переход не состоялся.

Где-то осенью 1976 года текст моего письма Суслову стал известен А. А. Холодовичу. По крайней мере с середины 1975 года шла энергичная подготовка юбилейного сборника статей в его честь, для которого я написал статью «Каузативы или конверсивы?». У меня с А. А. Холодовичем шла оживленная переписка по этому и другим поводам. Весной 1976 года я получил копию наборного экземпляра своей статьи, из которой были изъяты все ссылки на работы И. А. Мельчука. Мне ничего не оставалось, как снять статью, о чем я с искренним сожалением, извинениями и без каких-либо упреков кому-либо сообщил А. А. Холодовичу. Сначала он горячо одобрил мое решение, но в следующем письме, спровоцированном, возможно, моим посланием Суслову и его личной трагедией — смертью жены, обрушился на меня с резкими и несправедливыми обвинениями. Я счел, что это письмо требует ответа.

Март 1998 г.

Мне это всегда не нравилось. Впервые я столкнулся с требованием снять упоминание имярек в благополучнейшем 1965 году в журнале «Русский язык». Тогда Шанский, редактор журнала, потребовал, чтобы я снял ссылку на... Смирницкого (он снимал ссылки на всех своих научных противников). Я, естественно, отказался. Не буду утомлять Вас перечислением других эпизодов такого сорта, кроме еще одного. В неблагополучнейшем 1973 году, когда в «Науке» шла моя «Лексическая семантика», мне предложили снять ссылки на К. И. Бабицкого. Я и здесь отказался.

С 1968 года я сам подвергаюсь такому обращению, и теперь по крайней мере в десяти столичных журналах и издательствах меня не только позволено, но даже предписывается обирать. Поэтому мое человечески и юридически естественное нежелание пользоваться понятиями или идеями Игоря (с которым, между прочим, я связан пятнадцатилетней дружбой) без ссылок на автора подкрепляется и некоторой личной горечью. В связи с этим я решил 1) либо добиваться возможности соблюдать научную этику (ведь все запреты — это произвол перестраховщиков или корыстно заинтересованных в этом лиц), 2) либо продолжать только свою лексикографическую деятельность, где у меня давние традиции, никак не связанные с Игорем.

Соображения целесообразности, возможно, диктовали другое решение. Но я руководствуюсь и некоторыми непосредственными ощущениями, а именно, буду ли я внутренне удовлетворен, приняв определенное решение, или сделаю себе неприятен. После Игоревой истории у меня погибло пять абсолютно готовых (находившихся в производстве) работ, и я был бы фанфароном, если бы сказал, что мне их ничуть не жалко. Но есть и другого рода сожаления, и я в своей жизни ни о чем не сожалел так долго и мучительно, как о том, что в какой-то ситуации поступил не так, как должно.

<...>

2. Отказ от попытки оказывать на кого-либо моральное давление не равносильно готовности самому подчиниться чужому диктату. По крайней мере с весны 1976 года, когда вся эта ситуация приобрела новый оттенок и остроту, я подчеркивал (и мое письмо Вите Храковскому, которое Вы, видимо, читали, свидетельствует об этом), что не считаю обязательным для других то, что я считаю обязательным для себя. Когда некоторые москвичи просили меня принять за них какое-нибудь моральное решение, я в самой мягкой форме отказывался от этой чести, полагая, что каждый должен решать за себя сам. Я обычно добавлял, что, как бы спрашивающий ни поступил, мое отношение к нему от этого не изменится. Сейчас я собираю том работ нашего семинара, связанных со «Смыслом ↔ Текстом». Я сказал участникам сборника, что откажусь от его редактирования и печатания собственных статей, если будет запрещено соблюдать научную этику, но ни единым словом не буду препятствовать другим издавать их работы в любом виде. Это, кстати, было лейтмотивом моего письма Вите с просьбой снять «Каузативы или конверсивы» в Вашем сборнике — акта, который Вы горячо одобрили и по поводу которого написали, что всякое иное мое поведение в этом деле было бы оскорбительным для Вас.

Теперь по поводу показаний Игоря. По моим воспоминаниям, он не только «еще раз» не просил меня об изменениях в статье; он не делал этого ни разу. Правда, если бы он это сделал, я бы действительно отверг такое предложение, но я хочу быть верен и фактической стороне дела.

Главное, однако, не это, а мое полное изумление по поводу того, как отказывать что-либо в своей собственной работе (потому что такие изменения сделали бы ее менее этической или менее научной) может интерпретироваться как моральный террор и навязывание другим — тем более, Игорю — своей пози-

ции. Я надеюсь, что в письме Игоря никак не содержалось намека на то, что я погубил сборник своим моральным терроризмом, несмотря на все Игоревы старания спасти его.

3. Что касается моей «беспринципности» (Вы действительно так написали), то Вы ее увидели в том, что я не иду с Игорем до конца. Поверьте, Александр Алексеевич, я не обижаюсь ни за тогдашнюю «беспринципность», ни за нынешнее «чистоплюйство» и другие подобные и столь же резкие обвинения. Я не считаю их справедливыми.

4. По поводу «поразительного открытия» факта «плагиата», каковым Вы считаете фразу из моего к Вам письма «Я отвергаю научное и этическое соглашательство, и мне надоело дрожать». Эти слова от начала и до конца — мои. Письма Игоря в глаза не видел и слов таких от него никогда не слышал. Думаю, что стилистическая экспертиза подтвердила бы мое авторство.

5. Не вижу, как из отказа снимать ссылки на имя ученого логически (или как-либо иначе) вытекает необходимость следовать за ним в Монреаль и отказываться съездить в Польшу, где у меня друзья, которую я заочно любил, а увидев, полюбил еще больше и за поездку в которую я нравственно ничем не заплатил.

6. Если в Вашем постскриптуме речь идет о моем письме Суслову, то мне трудно далась только его первая строчка. Можете покарать меня за нее, но под всем остальным я и сейчас готов подписаться, не испытываю никакого чувства содрогания и думаю, что если бы таких писем было не одно, а сто, может быть, и не пришлось бы Игорю ехать в Монреаль, который, кстати, для него никак не Голгофа.

С неизменными чувствами любви и дружбы,
Ваш

Ю. Д. Апресян